

Цзи Хуайчжэнь пнул Тоба Яньчи, глазами указывая под кровать.

Однако место под ней уже было занято мертвецом. Седьмой принц был статен и широк в плечах — попытайся он спрятаться в столь узком пространстве, сразу бы выдал себя, и тогда проблем не обернется.

Пока он раздумывал, Лян Чунгуан уже толкнул дверь. Яньчи, заведя руку за спину, покрепче сжал кинжал, которым Тайфу только что совершил убийство; все его мускулы напряглись, готовые к стремительному броску. Вошедший военачальник в кованых сапогах и с копьем в руках разительно отличался от Лже-Саньси — его властный облик внушал трепет, а суровый взгляд сразу же впился в юношу.

Они скрестили взоры: один — настороженный, но бесстрашный, другой — ошеломленный, однако не спешащий отдавать приказ о немедленном схватывании.

Плотное покрывало скрывало мир от Цзи Хуайчжэня, оставляя лишь багряное марево перед глазами. Он не понимал, что происходит, и недоумевал, почему Яньчи до сих пор не напал. Сингэжилэ и Дума и не подозревали, что капитан стражи уже встречался с принцем лицом к лицу, и лишь чувствовали, как в комнате сгущается зловещая тишина. Видя, что Лян Чунгуан медлит, юноша и сам растерялся: почему их не хватают?

Капитан стражи наконец отвел взгляд от Тоба Яньчи и посмотрел на сидящую рядом невесту.

Он наверняка догадался, кто именно прячется под алым шелком.

Должно быть, заметив странную перемену в его лице, один из воинов шагнул вперед и что-то негромко спросил. Лян Чунгуан мгновенно опомнился. Он бросил еще один сложный, полный сомнений взгляд на сидящую на кровати фигуру — в его душе сейчас шло ожесточенное сражение между холодным рассудком и воинским долгом.

Цзи Хуайчжэнь томился в тревоге. Стоило капитану Ляну подать знак, и сегодня им с Яньчи пришлось бы несладко, чтобы выбраться отсюда живыми. Но военачальник словно онемел.

«Неужели этот чурбан решил одуматься и дать мне шанс?» — мелькнуло в голове Тайфу.

В этот момент в комнату вбежала Худе. Оценив обстановку, она под пристальными взглядами воинов быстро подошла к Яньчи и, легонько хлопнув его по голове, притворно возмутилась:

— Да я тебя битых полчаса ищу! Оказывается, ты, нетерпеливый, уже здесь притаился! О чем тебе матушка толковала? Еще поклоны не отвесили, а он уже в спальню рвется. Стыд и позор!

Седьмой принц опешил, охваченный дурным предчувствием.

Худе метнула быстрый взгляд на родителей. Дума мгновенно сообразила, в чем дело, и шагнула вперед, помогая Цзи Хуайчжэню подняться. Она запричитала, что благоприятный час уже на подходе и нельзя задерживать церемонию.

Тайфу и сам пребывал в смятении. Речи Худе напугали его до дрожи: его бесцеремонно подняли и впихнули в руки край ткани. Глянув из-под покрывала, он увидел... алый шелк! Если он не ошибался, другой конец этой ленты сжимал Яньчи! Теперь было не до раздумий о том, почему Лян Чунгуан вопреки всем принципам решил их отпустить. Мужчина принялся яростно кашлять, его ноги словно приросли к полу — он не двигался ни на шаг, надеясь привлечь внимание Худе.

Но откуда у Думы столько силы! Она буквально волокла Цзи Хуайчжэня за собой.

Лян Чунгуан уже собирался отозвать людей, как вдруг подошедший солдат доложил:

— Господин, приехавший из столицы господин Саньси куда-то исчез. Только что был здесь. Не прикажете ли подождать его? Странно это: в последние дни он вечно уходит, не сказав ни слова, и никто не знает, чем он занят. Словно скрывает что-то от нас.

Взгляд капитана Ляна скользнул по комнате и неизбежно остановился на свежей выемке в земляном полу. Припомнив едва уловимый запах крови, который он почувствовал, едва переступив порог, он в общих чертах понял, что здесь произошло.

Как раз в этот момент подошел Сингэжилэ и спросил:

— Не желают ли господа воины остаться и выпить свадебного вина?

Он задал этот вопрос лишь ради приличия — не спросить было бы подозрительно. Глава деревни полагал, что у них есть приказ и они не задержатся. К его великому изумлению, Лян Чунгуан, немного подумав, кивнул в знак согласия. Солдаты от удивления переглянулись: что это сегодня с их командиром, уж не сменил ли он гнев на милость?

Воины радостно загалдели. Лян Чунгуан нашел себе место и сел, наблюдая за тем, как «новобрачные», чьи сердца были далеки друг от друга, входят в праздничный зал. Его взгляд был острым и бдительным — он не походил на гостя, пришедшего на пир, скорее на мстителя. Ему нужно было следить за Цзи Хуайчжэнем, и вовсе не для того, чтобы схватить его. У него были к нему вопросы.

Поскольку сегодня действительно был день свадьбы Худе, и хлопушки, и убранство зала, и вино — всё было наготове. Просто чтобы поскорее выпроводить Тайфу и Яньчи из города, кортеж отправили раньше срока. Сами поклоны должны были состояться в другой день, и гостей еще

не созывали, потому-то никто и не заметил, что место жениха занято.

«Что за нелепица?!» — бушевал про себя Цзи Хуайчжэнь.

Они с Яньчи только что разругались в пух и прах! Стоило им встретиться взглядами, как в них вспыхивала взаимная неприязнь. Как он может в такой момент кланяться с ним в паре?!

К тому же юноша так сурово отчитывал его...

Мужчина то и дело замирал, едва переставляя ноги, и лишь после того, как Худе, потеряв терпение, больно ущипнула его за бок, смирился. Глянув из-под колышущегося покрывала в сторону, он заметил, что и Седьмой принц идет с неохотой.

«Неужели этот мальчишка еще и недоволен?! — в душе Цзи Хуайчжэня мгновенно вспыхнул гнев. — Кто бы говорил! Не он ли в ту ночь на постели умолял сначала жениться, а уж потом переходить к делу?»

Праздничные хлопушки рвались у самого уха — одна связка за другой. Звуки соны и барабанов взлетали до небес, и даже канонада петард не могла их заглушить. Это радостное буйство красок и звуков ошеломило Тайфу: он не знал, как и шаг ступить. Неужели свадьбы всегда такие шумные?

Сердце его замирало от грохота, а в нос ударил резкий запах пороха и серы...

В последний раз он вдыхал такой аромат год назад, когда татары вторглись в пограничные земли, а он отправился туда инспектировать войска. Пушечные залпы разрывали людей в клочья, и над пепелищем стоял именно этот запах. Земля багровела, впитывая кровь как удобрение — на следующий год трава там наверняка будет густой и сочной.

Для него этот запах означал смерть и разорение. Когда Цзи Хуайчжэнь впервые оказался на поле боя и увидел груды обрубленных рук и ног, его тошнило три дня кряду.

И вот сегодня, в этом чужом деревенском дворике, он снова почувствовал этот аромат. Слушая радостные крики и смех вокруг, сжимая в руке алый шелк, он не знал, куда деться. Тайфу замер в растерянности, пока его не потащили вперед.

Господин Цзи сам никогда не вступал в брак. А другие, если и справляли свадьбу, либо не смели, либо не желали звать его к себе.

Когда выходила замуж Цзи Ванься, он во главе бойцов Сяоцзиньтай по императорскому указу мчался в Хуайхуа убивать людей. Потому-то он и не ведал, что свадебные хлопушки пахнут так же, как война. Вот только в этот раз его не тошнило.

Голос соны был пронзителен, но сквозь него Цзи Хуайчжэнь слышал нежный перезвон жемчуга и нефрита в своих волосах.

Пока он предавался этим путаным мыслям, раздался звонкий, веселый голос Худе:

— Невеста, входи в дом! Осторожнее под ноги смотри.

Лучше бы она не предупреждала. Стоило ей заговорить, как Цзи Хуайчжэнь окончательно потерял опору. У порога его словно кто-то толкнул в спину: левая нога зацепилась за правую, и он, не дождавшись поклонов, едва не отвесил «земной поклон» раньше времени. Хоть их мысли и были сейчас в разных краях, тела связывала алая лента. Тоба Яньчи, не ожидавший такой неловкости, в замешательстве подался вперед вслед за Тайфу. Они столкнулись, стукнулись лбами и оба растянулись на полу, явив гостям весьма плачевное зрелище.

Толпа тут же взорвалась хохотом и шутками.

Один из воинов хмыкнул:

— Уж не по принуждению ли этот жених женится? Больно вид у него недовольный.

— Может, просто оробел? Хотя лицо у него и впрямь мрачнее тучи.

Худе подбежала и помогла обоим подняться. Седьмой принц отчаянно замигал ей, впившись в нее умоляющим взглядом, призывая что-нибудь придумать, ведь он не желает кланяться. Но Худе поняла его по-своему. Решив, что он велит ей сначала помочь невесте, она про себя усмехнулась: «Принц Сяо Янь всё-таки невозможный упрямец. На словах — ни в какую, а сам так перепугался, стоило его суженой споткнуться».

Когда оба снова стояли ровно, распорядитель зычно провозгласил:

— Первый поклон — Небу и Земле!

Эти двое замерли как истуканы.

Однако если не подчиниться, тайна раскроется. Яньчи, скрепя сердце, решил, что Небу и Земле поклониться не зазорно. Он решительно подобрал полы одежд и, развернувшись, опустил на колени лицом к двору.

Тайфу утешал себя теми же мыслями. Беда была в том, что он ничего не видел — он даже не обернулся и, держа спину прямо, с удивительным изяществом опустил на колени.

Новобрачные словно решили разойтись в разные стороны: один кланялся на север, другой — на юг. Лбы их дважды звучно коснулись пола.

Хохот едва не сорвал крышу дома. Худе закричала:

— Не туда, не туда!

Она снова развернула Цзи Хуайчжэня и, самолично пригнув головы обоим, заставила их повторить поклон.

Присутствующие так и ахнули: неужели и так можно? Распорядитель, у которого дернулся уголок рта, выкрикнул:

— Второй поклон — предкам!

Сингэжилэ и Дума переглянулись и, затаив дыхание, уселись на главные места. Помня о высоком происхождении Седьмого принца, Сингэжилэ чувствовал себя крайне неловко, по его лицу катился пот. Дума тоже выглядела смущенной.

Однако для Яньчи и Тайфу эти двое были спасителями. Пред ними не то что лоб расшибить — в лепешку расшибиться не жалко.

Этот поклон они отвесили искренне и слаженно. В едином порыве они подобрали одежды, опустили на колени и синхронно склонили спины, вновь коснувшись лбами пола.

Солдаты снова зашептались:

— А невеста-то высока ростом... И какая стать! Слово в армии служила. Сразу видно, в этом доме хозяйка будет верховодить.

Сидящий рядом товарищ лишь молча и согласно кивнул.

Наконец распорядитель торжественно пропел:

— Супруги, поклонитесь друг другу!

Если не считать Сингэжилэ и Думу, чьи лица выражали крайнее смятение, все остальные с нетерпением ждали этого момента, уже приготовившись кричать и хлопать. Стоило им склониться друг перед другом, как толпа должна была подхватить призыв: «В спальню их, в спальню!» Но дело, которое могло решиться в мгновение ока, вдруг замерло. Оба стояли неподвижно, словно в приступе упрямства. Один сверлил взглядом землю, напоминая

строптивного осла; другой, под покрывалом, не выказывал никаких чувств, но по всему было видно — охоты у него не больше.

Цзи Хуайчжэнь смотрел на сапоги Тоба Яньчи.

«Неужели и впрямь придется поклониться? — мысли роились в его голове. — Ведь стоит нам отвесить этот поклон, и дело будет сделано, союз станет законным. Кто я такой? Пусть даже я стал беглым узником, не пристало Цзи Хуайчжэню вступать в брак столь нелепым образом».

К тому же человек на другом конце ленты только что облил его грязью с головы до ног, заявив, что им не по пути.

Ни за что он не станет ему кланяться.

Но тут он вспомнил, что это — Яньчи...

Кто такой Яньчи?

Тот, кто, не ведая правды, упрямо и слепо доверил ему свое сердце. Но он же и тот, кто в ледяную зимнюю ночь грел его озябшие ступни у себя на груди, кто отдавал ему лучшие кусочки лакомства, довольствуясь крошками, кто спал на голой земле, лишь бы Тайфу было мягче.

В это мгновение Цзи Хуайчжэнь перестал понимать, играет ли он роль Лу Ши или остается холодным наблюдателем.

«Я его до белого каления доведу! — мстительно подумал он. — Снова поддамся, сделаю ему одолжение. Он просто нужен мне, чтобы довезти мою тушку до Вэньяна, вот и всё»

Глянув на юношу, он увидел на его лице всё ту же упрямую мину, словно того смертельно обидели. Принц сжимал ленту дрожащими пальцами, его ступни то подавались вперед, то замирали. В его взгляде читалось глубокое сомнение — никто бы не взялся сказать, хочет он этого поклона или нет.

Наконец невеста и распорядитель начали действовать одновременно. Одна склонилась, а другой зычно прикрикнул:

— Супруги, кланяйтесь! Жених, ну же!

Цзи Хуайчжэнь мгновенно вспыхнул от гнева.

«Это я здесь в убытке, а этот мальчишка еще и ломается?!»

Он выпрямил спину и под ошеломленными взглядами толпы шагнул вперед. Схватив Тоба Яньчи за голову, Тайфу с силой пригнул ее вниз и ледяным шепотом, слышным лишь им двоим, пригрозил:

— Это всего лишь обряд, он ничего не значит. Не смей принимать это всерьез. На нас смотрят, не навлекай беду.

Яньчи на мгновение замер и наконец опустился на колени.

Цзи Хуайчжэнь опустился напротив него. В душах обоих бушевало недовольство, и они одновременно рванулись вперед. Раздался громкий стук, а следом — два сдавленных стога.

Они и в постели словно сражались, и поклоны отвешивали так, будто шли в атаку. Мужчина, потирая лоб, позволил увести себя. Перед глазами всё еще плыли круги от удара, но в груди шевельнулось странное, необъяснимое торжество.

Измученный распорядитель, отерев холодный пот, с облегчением выдохнул:

— Свершилось! Ведите новобрачных в опочивальню!

Ожидаемые крики одобрения раздались не сразу. Солдаты лишь в недоумении переглядывались — им еще не доводилось видеть столь свирепую невесту. Если жених медлил, она самолично хватала его за голову и заставляла кланяться. Не будь на ней платья, можно было бы подумать, что какой-то разбойничий атаман спустился с гор и силой уводит приглянувшегося парня.

Наконец Лян Чунгуан, не меняясь в лице, первым поднял ладони и трижды хлопнул.

Воины, словно очнувшись от сна, подхватили аплодисменты.

Под этот нестройный, жидкий гомон Цзи Хуайчжэня и Тоба Яньчи, словно обреченных, повели в комнату для новобрачных.

<http://bllate.org/book/15318/1412377>